

ВЕЛИКИЙ КАРУЗО

К 120-летию со дня рождения

Независимая газета — 1993 —
25 февр. — с. 7

Вячеслав Зотов

Bel canto

КАРУЗО впервые выступил на профессиональной сцене в 1894 году. Более чем за четверть века он исполнил главные партии в 82 операх.

Одни говорят, что Карузо никогда не учился пению, с детства «пел, как птица, сердцем». Другие утверждают, что у него были профессиональные учителя, и называют имена Верджине и Ломбарди. Рассказывали, что при звуках его голоса допались хрустальные стаканы; говорили также, что он был влюбчив и болезненно ревнив. Вспоминали о сдержанной им клятве: никогда больше не петь в родном Неаполе, после того как его там несправедливо освистали. Чего только не говорили и не писали о великом сыне Санта Лючии, каких только легенд не складывали... Но неопровержимым фактом является то, что его хоронили сотни тысяч земляков, растянувшихся по узким улочкам солнечного города, на который «приезжают взглянуть в последний раз, чтобы умереть».

...У итальянцев есть выражение: «Он пел, держа свое сердце в руках»...

...Принципы бельканто, доведенные до совершенства композиторами-романтиками (Россини, Беллини, Доницетти), вводили певца к заоблачным вершинам прекрасного. Такое пение при всей его прелести не имело ничего общего с речевыми оборотами повседневности, ее низменными реалиями,

лихорадочным ритмом жизни. Зато бельканто, если его законом следовали неукоснительно, гарантировало вокалисту долгое и счастливое владение голосом, подаренным ему Богом.

Вокализация, которой пользуются певцы в веристских мелодрамах, в свою очередь, предельно приближена к разговору интонациями, что нашло отражение и во фразировке. Однако здесь голос певца, изнуренный «плотностью» оркестра, накалом эмоций, сосредоточением динамических акцентов на переходном диапазоне, а не в верхнем регистре (все вместе взятое требует железных легких), подвергается большим опасностям и грозит сам себя уничтожить.

В этом видится некий парадокс вокального искусства, который в огрубленном виде можно выразить следующим образом: чем менее пение напоено живой жизнью, чем оно условнее, тем оно правильнее и имеет большие возможности для долгого существования и собственной безопасности. И чем пение — и по чувству, и по содержанию — более наполнено реальностью повседневности, пресловутым «куском жизни», тем труднее ему существовать долго: его убивает безудержная страсть действительности.

Карузо пел все — партии драматические и лирические. С необыкновенной легкостью от Глюка к Бизе, от Верди к Мейерберу, от Пуччини к Доницетти... Но прежде всего он был веристским певцом. Ибо веризм был в конечном счете создан для его голоса, и натуралистическая мелодрама сформировала его

как артиста. Это не могло не отразиться на судьбе артиста. Не зря еще в 1901 году Джакомо Пуччини воскликнул: «Ты послан самим Богом!» Эпоха, выдвигавшая, кроме Пуччини, Масканы и Леонкавалло, не могла не выдвинуть Карузо, создавшего новые принципы певческого искусства.

Этот человек, поднявшийся к мировой славе из самых низов жизни, был революционером вокала. Он дал новое содержание самому понятию «тенор», которое дотоле ассоциировалось со звучаниями звонкими и нежными. Условно говоря, на место поэтического юноши, мечтающего узреть на балконе ускользающую тень зephyрной возлюбленной, Карузо привел истекающего кровью страдальца, для которого нож — и средство самозащиты, и непременно орудие мщения.

Более того, по тембру голос Карузо невозможно с полной уверенностью отнести ни к ба-

ритонам, ни к тенорам. Во всяком случае, Тонио в «Паяцах» на сцене он спел А басовую арию Коллена из «Богемы» записал на пластинку.

Конечно, своим необычным качествам вокализации певец обязан специфическим техническим приемам, среди которых первое место занимало нижнебрюшное дыхание, позволявшее развивать сверхъестественную силу звука. Но главное коренилось не в этом. Тайна Карузо-новатора заключалась в его психике — тех свойствах природы, тревожимых уколами подсознательного, которые позволили через вокал раздвинуть содержание понятия «тенор» до невиданных ранее границ. В его пении парадоксальным образом сочетались меланхолическая самоутраченность и страстная открытость самоотдаче. И эти два противоположных качества чудесным образом были слиты в неподражаемой смычковости звучания. **КАРУЗО ПЕЛ ТОГДА, КОГДА ДРУГИЕ ДАВНО УМОЛКАЛИ.**

Тем, кто привык к оценкам окончательным, придется сказать, что Карузо обладал просто-напросто лучшим голосом XX столетия: одновременно матово-упругим с металлическим отзвуком, одновременно бархатно-маслянистым, способным на передачу любых оттенков чувств. Идеальным материалом для грампластинных записей. И самым драматическим голосом из тех, которые мы знаем. Трагический бог современного человечества вложил в Карузо свою кровотокающую душу.

Карузо

25.02.93